

УДК 811.161.1

«Чужесловие» в русском языке и русской ментальности

Т.М. Григорьева*

Сибирский федеральный университет
Россия 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79¹

Received 14.12.2009, received in revised form 21.12.2009, accepted 28.12.2009

В статье представлен феномен иноязычных заимствований (лексических и графико-орфографических) на разных этапах истории русского языка (с Петровской эпохи до современности). Исследование проводится с точки зрения естественной жизни языка; даются разные точки зрения на феномен заимствования в среде писателей, ученых и рядовых носителей русского языка. Это явление рассматривается также в контексте проблемы культуры речи. Неуместное и неграмотное употребление заимствований расценивается как «лингвистический провинциализм».

Ключевые слова: заимствование, естественная жизнь языка, чужеземная кража, иноязычие как зло, иноязычие как неизбежность и благо; коммуникативные помехи, «лингвистический провинциализм», языковой вкус.

Когда же как-нибудь нет мысли налицо,
Пускаем в оборот мы новое словцо,
Мы любим щеголять слов чужеземных
кражей,
Хоть языкам чужим мы плохо учены.

П.А. Вяземский.

*(По поводу приобретений
российского языка)*

Одной из составляющих естественной жизни любого языка являются заимствования. Русский язык не исключение, и одной из первых значительных эпох в его истории стала Петровская эпоха, когда громадный поток нового содержания, новых понятий принес с собой целый словарь из французского, голландского, немецкого, итальянского, польского и других языков, которые представляли пеструю картину русского лексикона того времени, что было связано с изменениями в

экономической, административной, культурной, нравственной и других сферах жизни. Словарь иноязычных слов того времени составили 3 000 единиц.

Как пишет Н.А. Смирнов в предисловии к своей работе «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» (С.-Петербург, 1910), характеризуя состояние русского языка того времени, «администратор, актуариус, ассессор, аудитор, бухгалтер, геральдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ландгевдинг, маклер, министр, полицеймейстер, президент, префект и др. – все они во главе с императором в своих ампте, архиве, гофгерихте, губернии, канцелярии, коллегииуме, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде... которые заменили собой недавние думы и приказы, занимаются административной деятельностью, то есть адресуют, аккредити-

* Corresponding author E-mail address: annysten@yandex.ru

¹ © Siberian Federal University. All rights reserved

туют, апробуют, арестуют, баллотируют, конфискуют, корреспондуют, претендуют, секундируют, трактуют, экзавторуют, штрафуют ... *инкогнито* в конвертах, пакетах разные акты, акциденции, амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордеры, аресты, рапорты, тарифы и т.п.» (курсив мой. – Т.Г.).

Вся морская терминология благодаря навигационной деятельности Петра была заимствована в то время, поскольку перевести на русский было некогда, трудно и бессмысленно. Две мощные морские державы (Голландия и Англия) были законодательницами в сфере мореплавания, и все европейские государства усваивали их морскую терминологию без перевода: *гавань, корабль, шкиль, фарватер* и др. Россия также не была исключением. Более того, русские моряки с чувством гордости благодарили Петра за создание морского лексикона, потому что заимствованная лексика в русском сознании того времени (равно как и в последующие времена) представлялась более престижной в сравнении с русской. Свидетельством этому может служить фрагмент предисловия к Морскому словарю В. Вахтина: «... мы, моряки, неохотно расстаемся с терминологией, завещанной нам первым русским моряком Петром Великим, и не уступаем тому словопроизводству, которому наши филологи хотят подчинить наш исторически развившийся и расцветший на иностранных корнях морской язык» (Вахтин, 1894: VIII–IX).

Больше всего заимствований автор отмечает в сфере *административной*: они составили 1/4 часть русского словаря; заимствованы в основном через Польшу из Германии, где было развито административное дело. Терминология военного дела пришла в русский язык из Франции и Германии также через Польшу; математика и медици-

на – из Германии; архитектурное дело – из Италии и Франции и т.д.

В Петровскую эпоху иностранные слова в русской речи употреблялись без меры, без смысла и без нужды. Это было особенно характерно для речи тех, кто провел длительное время за границей. Сам Петр указывал на коммуникативные помехи, создаваемые обилием иноязычия в тексте, и свое отрицательное отношение к этому выразил в письме послу Рудаковскому: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради тебе впредь реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов».

Языковое «чужесловие» в культурном сознании этого времени вызывало самые негативные оценки. «На что же нам терпеть скудость и тесноту французскую, имеющим всякородное богатство славенороссийское?» – недоумевал В.К. Третьяковский (из предисловия к «Телемахиде»). А.П. Сумароков в стихотворении «Порча языка» настойчиво рекомендовал не гнушаться отеческим языком и не вводить в него ничего чужого, но «украшаться собственной красой».

Устремленность носителей русского языка не к родному, а к чужестранному слову отмечали многие деятели русской культуры XVIII в. Протест против «языкового чужебесия» высказывали М.В. Ломоносов, Н.И. Новиков. За коренное русское слово выступал И.А. Крылов. За самобытную национальную культуру и самобытный язык против русской устремленности к иноязычному слову решительно выступал А.С. Грибоедов и выразил отношение к ним в своей комедии:

Ах! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько

занять

Премудрого у них незнания иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья
мод?

Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
(«Горе от ума». Д. 3. Явл. 22)

Однако, что бы ни говорили писатели, вопреки всем протестам отвергаемые А.П. Сумароковым *фрукты* (вм. плоды), *сервиз* (вм. прибор), *веер* (вм. опахало), *губернантка* (вм. мамка), *деликатно* (вм. нежно) и др. обрели в русском языке новую жизнь с новым значением, вошли в русское сознание и растворились в океане народной речи. Слова же *респонс* (ответ), *фланка* (бок), *италт* (образец), *юдициум* (суд), *ондироваться* (волноваться), *аддичия* (сложение), *субстракция* (вычитание) и многочисленные другие из лексикона XVIII столетия не вышли за пределы своей эпохи.

Н.М. Карамзин и представители его школы считали, что заимствования в языке вообще и в русском в частности не могут лишить его достоинств. Напротив, заимствования из западноевропейских языков расценивались ими как естественное и неизбежное следствие европеизации русской культуры, «развития ума и нравов». Пример английского языка служит своего рода оправданием языку русскому:

«Английский язык груб, неприятен для слуха, но богат и обработан во всех родах для письма – богат *краденым*, или (чтоб не оскорбить британской гордости) *отнятым* у других. Все ученые и по большей части нравственные слова взяты из французского или из латинского, а коренные глаголы из немецкого. Римляне, саксонцы, датчане истребили и британский народ, и язык их; говорят, что в Валлисе есть некоторые его остатки. Пестрота английского языка не мешает ему быть сильным и выразительным...» (Карамзин, 1984: 481).

В большинстве своем введенные Н.М. Карамзиным иноязычия благодаря его литературному авторитету получили права гражданства в русском словаре. Среди них иноязычные слова, обозначающие понятия **театральной сферы** (*авансцена, арена, амфитеатр* и др); **архитектуры** (*аркада, балюстрада, барельеф, горельеф* и др.); **общественно-политической** (*адвокат, ассигнация, вексель* и др.) и **научной** (*гипотеза, консилиум, кризис, манускрипт* и др.) жизни России; **быта** российского дворянства на рубеже XVIII – XIX вв. – *альбом, бал, бильярд, визит* и др. (Ковалевская, 1992: 171).

Отношение Пушкина к иноязычию амбивалентно. С одной стороны, он за ограничение заимствований. Это отношение отражено в письме к брату (январь 1822 г.), где он пишет: «Сперва хочу с тобою побороться; как тебе не стыдно писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина». С другой – он, исходя из семантических возможностей русского языка, считает, что иноязычное слово необходимо, но только в случае, если является обозначением отвлеченных понятий или предметов и не имеет эквивалентных выражений на родном языке:

Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих слов на русском нет.

(«Евгений Онегин». Гл. I. Стр. XXXI)

Отстаивая право русского языка на самобытность, исходя из закономерностей его развития и культурных потребностей нации, в споре с пуристически настроенными современниками он замечал:

Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой осени цветы...

(курсив мой. – Т.Г.)

В сфере отвлеченных понятий Пушкин всегда признавал образцом французский язык. Многие отвлеченные понятия именно

французского языка, созданные западноевропейской культурой и не находившие точного выражения в системе значений русского языка, он считал совершенно необходимыми. Он выражал ироническое отношение кархаистам-шишковцам с их корнесловием. В письме к брату (июнь 1824 г.) он писал: «На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он “Бахчис<арайский> фонтан” из уважения к святыне Академического словаря и неблажно составленному слову водомет?» Адресованная архаистам ирония звучит в романе «Евгений Онегин»:

Она [Татьяна] казалась верный снимок
Du comme il faut... Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.

(Гл. VIII. Стр. XIV)

Считая употребление иностранного слова при наличии адекватного русского оскорблением достоинств русского языка, но сознавая бедность русского языка для выражения «всего отвлеченного, всего цивилизованного, глубоко и тонко развитого», В.Г. Белинский выступал против консервативного пуризма. Он отстаивал право заимствования (особенно в сфере метафизического выражения). Выражая свою позицию, он писал: «... как бы в награду за понятие, рожденное народом, переходит к другим народам и слово, выражающее это понятие. В этом отношении все образованные народы – должники и вассалы древних греков и римлян – и против нравственной зависимости этого рода, столь законной и справедливой, могут вооружаться только умы слабые и мелкие, увлекаемые ложным патриотизмом. <...> Из двух сходных слов, иностранного и родного, лучшее есть то, которое вернее выражает понятие» (Белинский, 1981: 564); «пуристы боятся ненужного наводнения иностранных слов: опасение больше чем неосновательное», потому что «ненужное слово никогда не удержится

в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление» (Там же: 565).

Негативное отношение к «звонкому иноязычию» отражено в дискуссиях о языке в послепушкинский период. *Абстрактный, субъективный, объективный, абсолютный, индивидуальный, интеллектуальный, конкретный, реальный* – эти и многочисленные другие европейские заимствования, составившие активный запас современного русского языка, в то время вызывали общественное осуждение. Лексическую «всеядность» носителей русского языка осуждали Н.И. Греч, М.П. Погодин, Н.С. Лесков. Однако, несмотря на многие протесты, в русском литературном языке периода 30–90-х годов XIX в. лексическое иноязычие составило более трети всего объема новых слов (Сорокин, 1965: 58).

В 50–60-е годы XIX в. издание словарей иноязычных слов становится важной составляющей культурной жизни России, и это свидетельствует о законных правах иноязычного слова в русском языковом сознании. Даже В.И. Даль, занимавший, как известно, пуристическую позицию, включил в первое издание своего словаря (1863–1866) более 750 ассимилировавшихся в русском языке иноязычий. «Полный словарь иностранных слов» 1885 г. (сост. Бурдон и Михельсон) включает объяснение уже 115 000 слов, вошедших в употребление, с «означением их корней».

Иноязычное слово к концу XIX – нач. XX вв. становится предметом внимания лингвистов. Р.Ф. Брандт (1882), А.И. Соболевский (1891), Ф.Е. Корш (1907), Е.Ф. Карский (1910), И.А. Бодуэн де Куртенэ (1914), В.В. Виноградов (1934) – все они признают, что при разумном отношении к иноязычному слову язык делается более тонким орудием выражения мысли. С.К. Булич, например, считает заимствования одним из мощных факторов развития языка: являясь следствием развития на-

рода в умственном и культурном отношении, следствием его общений с другими народами, они увеличивают лексическое богатство языка, способствуют более точному выражению понятий, работают на его более совершенное состояние (Булич, 1886: 344–345).

К началу XX в., как указывает «Полный словарь иностранных слов» В. Смирнова (М., 1908. – 780 с.), русский язык вобрал в себя многочисленные заимствования из разных языков: 1) финские; 2) норманские (с IX в.); 3) греческие – от Византии (IX в.); 4) еврейские – через Библию и взаимоотношения с российскими евреями; 5) тюркские (половецкие) – XI–XII вв.; 6) татарские, арабские и персидские (в период монгольского ига); 7) польские (с XVI в.); 8) латинские и немецкие (с XVII в.); 9) голландские и французские (с XVIII в.); 10) английские и итальянские (с XIX в.); 11) шведские, испанские, венгерские, турецкие, армянские, грузинские, монгольские. В этом многообразии иноязычия автор выделяет 1) «пересаженные на русскую почву» из иной культурной среды в готовом виде и 2) специальные технические, научные и отчасти художественные термины, которые вошли в русский язык как результат заимствования понятий (Смирнов, 1908: IV–V).

Процесс лексического заимствования в русском языке послеоктябрьского периода в XX в. представляется в виде кривой с вершинами, которые приходится на рубеж 20–30-х и 50–60-х годов (Крысин, 1968: 195). И неизменно процесс активизации заимствований в массовом сознании вызывал протесты. М. Горький, В. Маяковский, А. Толстой высказались против засорения русского языка иностранными словами. «Лучше говорить “лифт”, чем “самоподнимальщик”, “телефон”, чем “дальнеразговорня”, “пролетарии”, чем “голодранцы”, – писал А. Толстой, выражая заботу о чистоте русского языка, – но там, где

можно найти коренное русское слово, – нужно его находить» (Толстой, 1955: 379).

В публикациях 1928 г. русская эмиграция выступила против «порчи» русского языка. С. и А. Волконские в книге «В защиту русского языка» и С.В. Завадский в статье «Борьба за язык» утверждают мысль о том, что иноязычное слово оказывает пагубное влияние на мышление. (См. об этом: Бицилли, 1998: 479.) С.И. Карцевский, однако, занимает противоположную позицию. В статье 1923 г., изданной в Берлине, он пишет: «Заимствуя в большом количестве ... иностранные слова для обозначения повседневных предметов или душевных переживаний, для которых уже имеются русские обозначения, мы рисковали бы еще более углубить и сделать непроходимой ту пропасть, что разделяет словарь народный и словарь культурного общества. Однако подобного явления не наблюдается. Заимствуются, главным образом, технические термины. Кроме того, проникая в русский язык, подобные заимствования вызывают здоровый процесс синонимической дифференциации: понятия разграничиваются и уточняются. <...> В результате наш внутренний мир от этого выигрывает, как выигрывает и наш словарь, обогащаясь новыми словами, которые в русском языке “получают русскую обмундировку”» (Карцевский, 2000: 262, 231).

В общем контексте проблемы необходимо обратить внимание на период пред- и послевоенных лет, известный в русской истории как период «борьбы против низкопоклонства перед Западом», когда, как отмечают исследователи, не только не принимались, но изгонялись уже освоенные языком заимствования (Крысин, 2000: 143).

Крушение тоталитарной системы, смена политических и идеологических ориентиров российского общества, новый политический, экономический и культурный контекст рус-

ского языка снова создали благоприятные условия для экспансии иноязычного слова. Иноязычный лексический поток в средствах массовой информации (в публикациях газет и журналов, в текстах публичной речи радио- и телеканалов) постсоветской России производил впечатление потопа (Костомаров, 1993).

Действительно, по степени открытости иноязычию постсоветская Россия может быть сопоставима с петровской. Как и тогда, обозначенное С.М. Соловьевым «традиционное русское суеверие перед иноверческим» снова нашло отражение и в обществе, и в языке (Соловьев, 1851–1879: 1055). Современная открытость иноязычию, кроме того, стала следствием длительного подавления естественного взаимодействия русского и мирового сообществ. Поэтому наиболее благоприятной средой бытования современного иноязычия является сфера новых заимствованных технологий, новые области постсоветской жизни, где не сложилась собственная система имен. Изданный в 1992 г. новый, основательно переработанный «Современный словарь иностранных слов» издательства «Русский язык» вообрал в себя более 1000 лексических единиц, закрепившихся в русском языке перестроечного периода. По данным Н.В. Новиковой, современное иноязычие (преимущественно из английского языка) составляет $\frac{3}{4}$ всех новых слов современного русского языка (Новикова, 1996: 385). Часто непонятные массовому носителю, они снижают эффективность общения. Избыточность и коммуникативная нецелесообразность иноязычия вызывает общественное неодобрение, и это находит отражение в разного рода пародийных текстах:

Будем считать, что у нас состоялся своего рода БРИФИНГ, а в качестве СПОНСОРА выступает МЕНЕДЖЕР. Надеюсь, что КОНСЕНСУС по этому вопросу не вызывает сомнений, а ИМПИЧМЕНТ и РОТАЦИЯ нам не понадобятся.

Тем более что РЭКЕТ в нашем МАРКЕТИНГЕ ... не обнаружился. Другое дело – МЕНЕДЖМЕНТ и МОНИТОРИНГ. Без них, как и без КОНВЕРСИИ, не обойтись. Остается определить РЕЙТИНГ нашей встречи. Несмотря на очевидный ПЛЮРАЛИЗМ мнений... разговор пойдет на пользу всему ИСТЕБЛИЩМЕНТУ... (Черейский, 1989).

Ревнителю чистоты русского языка по-прежнему выступают в защиту исконно русского слова. Выразительным примером этого может служить «Словарь заменителей иностранных слов на русские», который составлен недипломированным лингвистом С. Маховым. (См. об этом в статье П. Басинского «Не киллер, а убивец», опубликованной в «Лит. газете». 02.12.98.)

В предисловии к словарю автор напоминает писателям, переводчикам, редакторам и всем друзьям русского языка, сколь он разнообразен и гибок. Он предлагает «покопаться в недрах языковой памяти» и осознать, что в русской речи можно вполне обойтись без *киллеров, дефолтов, секьюрити*, которые, как ни назови, остаются теми же толстомордыми, бритоголовыми охранниками и пр. Объем словаря – около 6500 ячеек, где каждому иноязычному слову дается от 10 до 20 русских. Автор словаря уверяет, что подавляющее большинство заимствованных слов имеет русские эквиваленты, и жалеет, что ими пренебрегают говорящие на русском языке. Приведенные примеры словарных статей этого словаря, однако, позволяют заключить, что предложенные автором русские заменители семантически не адекватны иноязычным, они совершенно очевидно создают квазисинонимический ряд.

Ярлык (см. лейбл, этикетка) – наклейка, бумажка, ценник, висюлька, мулька, льготная грамота, повеление, приказ;

Юмор (см. ирония, сатира) – добродушно-насмешливое отношение (сочувствие), глу-

бокомысленное в облике смешного, умение подмечать (выставлять на смех) забавное (несуразное), изображение в смешном виде, беззлобное (веселое) вышучивание, шутка, прикол, примочка, стёб, укат(айка), повалёха.

Однако нельзя не заметить, что создавшееся в первые годы постсоветского периода впечатление иноязычного лексического потока в действительности оказывается не столь угрожающим.

Во-первых, иноязычные заимствования не только пополняют наш язык, но и покидают его. Об этом свидетельствует сравнение словарей иностранных слов разного периода. Например, 15-е издание «Словаря иностранных слов» издательства «Русский язык» 1988 г. в сравнении с 8-м изданием 1981 г. хоть и не изменилось количественно, но в него не только внесены новые, получившие распространение слова, но и исключены многие устаревшие и узкоспециальные.

Во-вторых, происходит процесс вытеснения старого, утвердившегося в языке иноязычия новым: на смену французским *жаргон*, *пресс-конференция*, *реклама*, *образ*, *популярность*, *экран*, *макияж* приходят английские *сленг*, *бриффинг*, *наблицити*, *имидж*, *рейтинг*, *дисплей*, *мейкап* и др. Немецкие *бутерброд*, *шлягер* вытесняются английскими *сэндвич*, *хит* и др.

В-третьих, многие на первый взгляд новые заимствования – это всего лишь результат процесса активизации заимствований, которые в советский период функционировали лишь в сфере профессиональной: *аудит*, *акцизы* и др. (Крысин, 2000: 155).

Характерной особенностью современно-иноязычия является то, что целый ряд заимствований (слов, словосочетаний и целых фраз) внедряется в русский текст в графико-орфографическом облике языка-источника, в преобладающем большинстве – английско-

го: *freedom*, *change*, *know-how*, *love story*, *love letter*, *no problem*, *in a sense*, *who is who*; *happy birthday to you*. Иноязычие внедряется в пределы городского пространства: *Night club*; фестиваль электронной музыки *Summer Love* и др. В массовое сознание вошли в письменном облике языка-источника названия бытовой и музыкальной техники фирм-производителей *LG*, *Samsung*, *Panasonic*, *Sony*, *JVC*, *Philips*; *Indesit*, *Bosh*, *Siemens*, *Zanussi*, *Sharp*, *Tefal*, *Moulinex* и др.; названия оружия (*Model Premo*, *Beretto*, *Merkel*, *Mannlicher*, *Model Silver Pigeon*, *Blaser Model R-93*) и многих других реалий внероссийской действительности.

Иноязычный компонент в его исконном письменном облике внедряется в словообразовательную модель и создает своеобразный англо-русский гибрид: *Face*-контроль, *show*-программа, *CD*-карта. Иноязычный словокомпонент *super* наряду с *new* и *lux* обнаруживает наиболее высокую продуктивность: *super-мебель*; универсальные *super-шторы*; безумные *super-новости*, *super-новинка*, *super-читатель*, *super-фанаты*, *super-обзор*, *super-мнение*, *super-фишка*, *super-досуг* и др. Чрезвычайную распространенность в русской речи (устной и письменной) получила аббревиатура с английского *VIP* – *very important person*, называющая явления из жизни «хозяев жизни» постсоветской России: *VIP-материалы*, *VIP-мебель*, *VIP-дизайн*, *VIP-интерьер*, *VIP-знакомства*, *VIP-досуг* и др.

Анализ газетных текстов показывает, что авторы их с определенной степенью свободы владеют иностранным (чаще всего – английским) языком и адресуют свои размышления читателям адекватного уровня образования. Названия иностранных реалий часто даются или в письменном облике оригинала (основной источник: «*Trapped in Depths*» – *by Steve Puelo, Boston*), или по-русски, но с переводом на иностранный язык: документальный бест-

селлер Питера Мааса «*Часы кошмара*» (*The Terrible Hours*)¹.

Приведенные примеры графико-орфографического иноязычия могут показаться новым явлением по сравнению с предшествующей советской эпохой, однако тексты дооктябрьского периода позволяют заключить, что в современном письме это является продолжением традиции, которая была прервана в период господства орфографического режима с его ориентацией только на кириллицу. Ср. отрывок из предисловия к словарю В. Смирнова:

«Разумеется, мы не вступим на путь само-рекламы и не позволим себе восхвалять наш Словарь как “товар” (*sit venia verbo*), а стало быть, не уподобимся таким *sui generis* книгоиздателям, которые доверчивой публике, *bona fide* раскупающей их “словари”, обещают за рубль словарь-толковник в 150 000 слов... Конечно, в этом случае часть вины падает на публику по пословице: *mundus vult decipi, ergo decipiatur*» (Смирнов, 1908: IV) (о ситуации орфографического режима в русском языке см.: Григорьева, Пономарева, 2001; Григорьева, 2004; Филинкова, 2004). Непременно стоит заметить, что «Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (Изд-е Е.В. Печаткина. СПб., 1861) многие словарные единицы дает в графико-орфографическом облике языка-источника:

Abat-vent (*аба-ванъ*) *фр.* Навъсь отъ вѣтра или дождя.

Alzamento di mano (*Альцаменто ли mano*) *итал. муз.* Поднятие руки.

Dames d'honneur (*дамъ д'оннеръ*) *фр.* Почетныя дамы.

Vice-verse (*вице-верса*) *лат.* Наоборотъ и др.

Современный процесс заимствования находит отражение и в современных научных дискуссиях, представляя два ранее сформировавшихся противоположных взгляда (по материалам почтовой дискуссии) (Караулов, 1991).

Лексическое иноязычие, считает В.В. Колесов, влечет за собой концептуально-культурные изменения в словаре и национальной картине мира: «естественное развитие национального языка во всей его концептуальной силе... уничтожается подменой абстрактно пустыми терминами наднациональной культуры» в ущерб ключевым словам русской ментальности, и в результате «торжество становится фестивалем, собрание – форумом, совесть – сознательностью, соборность – коллективом, служба – сервисом, любовь – сексом, согласие – консенсусом» (Там же: 12);

«Приток заимствований в русский язык, – отмечает Г.Н. Складаревская, – принявший в последнее время тотальный характер, не должно расценивать как негативное явление: ведь на дальнейших этапах развития язык неизбежно отторгнет избыточные элементы и те, которые не адаптировались; при этом оставшиеся не засорят, а обогатят наш язык, как уже неоднократно случалось в прошлом» (Там же: 55).

Изложенные материалы свидетельствуют о том, что определенная Пушкиным как существенная для русского языка «переимчивость и общежительность» сопровождает его на протяжении трех последних столетий. И всегда малому или большому потоку заимствований сопутствуют два противоположных к ним отношения: иноязычие – зло языка, от которого его нужно оградить; иноязычие – неизбежность и, при разумном к нему отношении, благо языка.

Противникам иноязычия не следует забывать, что «пурификаторские затеи, стре-

¹ Наиболее полный материал о графико-орфографическом иноязычии в современном русском письме см.: Филинкова, 2004.

мящиеся к очищению собственного языка от чужих слов и оборотов, сопряжены обычно с напрасной тратой времени» (Бодуэн де Куртенэ, 1914: 159); что «пуризм бессилен в своей наступательности и наступателен вследствие своего бессилия» (Горнфельд, 1922: 8). История русского литературного языка подтверждает это со всей очевидностью. Запрещенные царскими указами *революция, прогресс, интеллигенция*; не принятые В.И. Далем *эгоист, газон, дамба, кокетка*; вызывавшие раздражение А.П. Чехова *флирт и чемпион* пополнили словарный запас русского языка, потому что «гений языка» (В.Г. Белинский) сам совершает свой выбор и оставляет то, что отвечает требованиям системы языка и служит приоритетам общества. Последнее положение выражено в одном из современных рекламных текстов: «Иноземное слово, *консенсус* какой-нибудь или *плюрализм*, сверкнет в нашем лексиконе, чуть обкатается под аплодисменты и тут же потускнеет, а то и вовсе погаснет, превратившись в пустой звук. Словам же *компьютер* и *компьютеризация* это не грозит, потому что к ним вплотную стоит бизнес» (ЛГ. 06.08.96). И, как замечает В.М. Живов, характеризуя культурно-языковую ситуацию Петровской эпохи, «заимствования – это частная характеристика языка, ничего не дающая для опреде-

ления его статуса: сколько бы заимствований из голландского или немецкого ни появилось в рассматриваемый период, русский язык не становился от этого голландским или немецким и даже не сближался с ними» (Живов, 1996: 90).

Язык справится, но непреходящей проблемой на всех этапах истории русского языка всегда остается низкий уровень владения иноязычным словом; по определению Г.О. Винокура, – «лингвистический провинциализм». Выразительной иллюстрацией ему могут служить строки В. Маяковского: «О “фиасках”, “апогеях” и других неведомых вещах»; «Что за “фиаска” такая»; «Своего “апогея” никому не отдадим, а чужих “апогеев” нам не надо». Это вызывает в памяти слова В.Н. Татищева из письма В.К. Третьяковскому от 18 февраля 1736 г., которые не потеряли актуальность и в наши дни: «Чужестранных слов наиболее самохвальные и никакого языка не знающие секретари и подъячие мешают, которые глупость крайнюю за великий себе разум почитают, и чем стыдиться надобно, тем хвастают».

Избавлением от «лингвистического провинциализма» может стать высокий языковой вкус, формированию которого призваны служить лингвисты разных рангов.

Список литературы

- Белинский В.Г. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым / В.Г. Белинский // Собр. соч.: в 9 т. Т. 7 / В.Г. Белинский. – М., 1981.
- Бицилли И.М. В защиту варваризмов в русском языке / И.М. Бицилли // Культура русской речи: учеб. для вузов. – М., 1998. – С. 479–480.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. Заимствования / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Русская энциклопедия / под ред. С.А. Адрианова и др. – СПб., 1914.
- Брандт Р.Ф. Несколько замечаний об употреблении иностранных слов / Р.Ф. Брандт. – Киев, 1882.
- Булич С.К. Заимствованные слова и их значение для развития языка / С.К. Булич // Русский филологический вестник. Т. XV. – Варшава, 1886.

Вахтин В.В. Объяснительный морской словарь (настольная книга для имеющих отношение к морскому делу) / В.В. Вахтин. – СПб., 1894.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В.В. Виноградов. – М., 1934.

Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова / А.Г. Горнфельд. – Петроград, 1922.

Григорьева Т.М. Норма и вариантность в русской орфографии / Т.М. Григорьева, С.В. Пономарева // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2001. – Вып. 3. С. 20–42.

Григорьева Т.М. Ситуация орфографического режима в русском письме и ее последствия / Т.М. Григорьева // Материалы междунар. конф. «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы». – М., 2004.

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века / В.М. Живов. – М., 1996.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин // Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Н.М. Карамзин. – М., 1984.

Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности: доклад на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы русистики» и материалы почтовой дискуссии / Ю.Н. Караулов. – М., 1991.

Карский Е.Ф. К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке / Е.Ф. Карский. – Варшава, 1910.

Карцевский С.И. Язык, война и революция / С.И. Карцевский // Из лингвистического наследия / С.И. Карцевский. – М., 2000.

Корш Ф.Е. Попыты объяснения заимствованных слов в русском языке / Ф.Е. Корш // Изв. АН. – 1907. – Сер. VI. – Т. I. – № 17.

Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка / Е.Г. Ковалевская. – М., 1992.

Костомаров В.Г. Русский язык в иноязычном потоке / В.Г. Костомаров // Русский язык за рубежом. – М., 1993. – № 2.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М., 1968.

Крысин Л.П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики / Л.П. Крысин // Диахроническая социолингвистика. Гл. 3. – М., 1993.

Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 2000.

Новикова Н.В. Культура использования заимствованных слов в функциональных разновидностях русского языка // Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996.

Смирнов В. Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с общедоступным толкованием их значения и употребления, с включением отдельных слов и фраз, употребляющихся в устной и письменной речи в их оригинальной иностранной форме. Настоящий справочник, необходимый для всех классов общества при чтении книг, газет и журналов и содержащий научные, художественные, литературные, политические и вообще технические термины по всем отраслям знания, сост. на основе лучших энциклопедических словарей и специальных лексикографических трудов. – М., 1908.

Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху / Н.А. Смирнов. – СПб., 1910.

Соболевский А.И. Русские заимствованные слова / А.И. Соболевский. – СПб., 1891.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 29 т. Т. XIV. Гл. II / С.М. Соловьев. – СПб., 1851–1879.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90-е годы XIX века) / Ю.С. Сорокин. – М., 1965.

Толстой А.Н. Чистота русского языка / А.Н. Толстой // Русские писатели о языке. – М., 1955.

Филинкова Е.О. Графико-орфографическое иноязычие в контексте полизнаковости русского письма постсоветского периода: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Е.О. Филинкова. – Барнаул, 2004.

Черейский И. Разговор по существу / И. Черейский // Литературная газета. – № 41.– 11.10.89.

Foring words in Russian Language and Russian Mentality

Tatiana M. Grigorieva

Siberian Federal University,

79 Svobodny, Krasnoyarsk, 660041 Russia

The article deals with the phenomenon of the loan-words (lexical and spellings) on the different stages of the History of Russian Language from Peters epoch till Contemporarily. The investigation carries on from the point of the natural life of the language; the different points of views on the phenomenon of the loan-words lists in the different social spheres (wrights, scientists and common native speakers of Russian language. Investigated phenomenon is considered also as a problem of the culture of the speech. Irrelevance and illiteracy usage of borrowings is considered as «linguistic provinciality».

Keywords: loan-words, natural life of language, loan-words as a evil, loan-words as a inevitability and blessing ; communicative hindrances, «language provinciality», language taste.
